В. В. РОЗАНОВ

Идея «мессианизма»

По поводу новой книги Н. А. Бердяева
«Смысл творчества»

Почитаешь историю, понаблюдаешь за усилиями в ней отдельных народов и увидишь, до чего много в ней положено усилий на то, чтобы «стать на первое место» среди народов, на самое выпуклое, переднее место; чтобы вести «за собою», «вослед себя» другие народы. Явление таких усилий обыкновенно зовется «мессианизмом» по имени собственно «мессианизма» у евреев. «Мессия может родиться только из нашего народа», — говорили древние пророки израильские; и масса еврейская ожидала в красоте и силе прежде всего царства — с царским величием, с царским достоинством. Известно, однако, что он пришел совсем с другой стороны и в другом виде, «И биен бысть», «и распят бысть». Греки не знали мессианизма, не звали его. В эпоху, однако, от нашествия персов до смерти Александра Македонского, приблизительно века в два, они натворили таких и столько дел, что «мессианизм» в светской и образовательной форме у них как-то сам собой вышел. Вообще тут есть кое-что, следующее поговорке «где *не думал,* там и *нашел*». Римляне тоже никогда не занимались мессианизмом, но у них это «вышло» в сфере объединения народов всего тогдашнего исторического горизонта. «Orbis terrarum» — факт римской истории. Позднее к этому стремились и этого почти достигли римские папы. Но именно «почти»... Вторжение французов в Италию, перенесение папского престола в Авиньон[1], на юг Франции, и затем Реформация сокрушили католицизм в этих усилиях. У французов почему-то никогда не было мессианизма, и, может быть, причина здесь кроется в том, что как в эпоху королей и маркизов, так и во вторую эпоху — санкюлотов и Бонапарта французы ощущали себя достаточно «мессиански-

ми». У них сиял «каждый день», а не «завтра», и «мессии», можно сказать, рождались ежедневно, то во дворцах, то под лавкой, то как король-Солнце, то как бездомный Руссо. У поляков был «мессианизм» Товянского и отчасти Мицкевича[2]: чахоточная мечта на «безрыбьи» вытащить из моря когда-нибудь «кита». У русских—мессианизм славянофилов, и главным образом Достоевского, сказавшийся в знаменитом монологе Ставрогина о «народе-Богоносце» и в речи самого Достоевского на открытии памятника Пушкину.

Удивительно, что никому не пришло на ум, «как это место *опасно*». Т. е., как опасно вообще и всемирно стремиться к первенству, исключительности, господству. Об этом мы скажем потом, а сейчас договорим о последнем мессианизме.

Это — Германия и теперешняя война.

Германия решительно и деловым образом потребовала себе первенства во всемирной цивилизации, сорок лет подготовляясь к войне, и начав войну с потерей миллионов людей, и убивая миллионы людей у соседних народов во имя того, что никто так не умеет выделывать зубных щеточек, как «германский человек». Если взять зубную щетку, сделанную русским, то щетина вываливается, как только вы взглянули на нее; если ее сделал итальянец, то щетина вываливается, когда вы по ней провели рукой. И у француза или англичанина вываливается месяца через четыре после употребления щетки. Но немец, долго размышляя, сделал наконец такую щетку, из которой щетина никогда не вываливается. Он назвал ее «вечною щеточкою» и прибавил «для универсального употребления». Он взял на нее патент у отечества, повез ее в Англию, привез ее во Францию, не говоря уже о России и Италии, о Турции и Румынии. Причем везде решительно увидели, что из германской зубной щеточки и вообще из германских щеток всяких сортов, величин и предназначений щетина действительно никогда не вываливается.

Кайзер это сообразил, нация это сообразила. Все сделали «умозаключение», что они станут самым богатым народом в свете, если зубные щетки, гигроскопическую вату, оптические стекла, всякие медикаменты, наконец, всякие вообще инструменты, машины и технику будут поставлять одни на весь свет. На Россию, на Америку, на Китай. Наконец, даже во Францию и Англию. «Мы забьем всех. Но надо раньше всех побить и принудить брать и пользоваться единственно вечною зубною щеткою made in Germany». Война, как обнаружилось решительно и окончательно, ведется за техническое, коммерческое

и промышленное подавление Германией всего света. Но как «предпосылка» техники и промышленности — политическое преобладание Германии во всем свете. «Помилуйте, мы изобрели сальварсан. У нас и Эрлих и Кох. У нас Гельмгольц, Бунзен и Моммзен[3]. Разве это не права на управление миром? Умственные права. Мы живем в век разума, опираемся на разум, у нас разум — первый в мире. И мы будем организовывать человечество». А все началось с зубной щеточки. Но немец не был бы немцем, если бы не мог сделать «умозаключение» от маленькой щетки для гигиены до пределов вселенной.

Место это, я заметил, опасно. Оно кружит головы, рождает чары, рождает силы, творит положительное безумие. Народы, порывающиеся сознательно к «первому месту на земле», начинают совершать явно безумные поступки, очевидные со стороны, но нисколько не видимые самим носителем «всемирной миссии». И причина понятна, сказать ли космологически, сказать ли «религиозно». Космологически — вот какое выражение: ведь все-таки «земля» наша — маленькая планетка. Ее окружают миры звезд — планет, гораздо больших и, вероятно, более интересных и занимательных. Что такое «я», пишущий «эту статью» в городе «Петрограде», на такой-то улице, — перед Сатурном, Юпитером, Сириусом и пр.? А между тем «мессианизм» рождается именно из таких и подобных статеек — из «заманчивой мечты», которая вдруг начинает «кружить головы». Дело, очевидно, и должно кончиться таким «головокружением», весьма болезненным, и не больше. Настоящее обаяние исходит на человека, как и на всю нашу планету, из звезд, из неведомого и беспредельного мира, в котором мы не понимаем ни начал, ни концов. Это — космологически. А религиозно — еще яснее. «Первое место», очевидно, принадлежит Богу и не принадлежит и никогда не должно принадлежать человеку или группам его, народам. Отсюда-то и объясняется безумие. Мы, собственно, хотим сесть на «Божье место». Хотим — Престола Божия для себя. И, естественно, летим «вверх тормашками».

Отсюда — великолепное поползновение к лени. Оговорюсь и объяснюсь. Сам я довольно деятельный человек (сколько написал за жизнь), но с великим вниманием и со все возрастающим изумлением всматриваюсь в совершенно противоположное моей натуре начало — лень. Мне приходит на ум, что в «лени» содержится метафизический принцип Руси, и «лень»-то именно нас и охраняет от самых ядовитых зол. О, спора нет, что «лень» — дурна, плоха, несносна. При ней — вечно «все не уст-

роено». Вот и развод мой любимый — «стоит на месте»[4]. Судьи отпускают «с Богом» после ужасных преступлений. Все это отвратительно, пакостно, и почти «так жить нельзя».

Готов крикнуть «не могу молчать!», но удерживаюсь и начинаю размышлять.

Ведь жить-то все-таки, однако, «можно». В сущности — «можно». И как ни сорна улица, ни дорога квартира, в театре играют отвратительно, извозчика нигде не найдешь и прочие «несносности»; но дело в том, что в сих мерзопакостных условиях «живешь», а к вечеру даже набежит кое-какое удовольствишко. Хорошо. Но папы в Авиньоне? Вот кому было плохо. А оттого что хотели сесть в «Рим» на «первое место». Бог их и чебурахнул. Каково пролететь от Рима до провинциального Авиньона? Это знает тот папа, который «летел». Русские архиереи решительно никогда этого не испытывают, ибо когда «летят», то всегда с небольшой высоты. И вообще «больших высот» не надо в мире. Опасно. Страшно. Тревожно.

В сущности — обманчиво и лукаво. «Хотел сесть на престол, а и стула не оказалось».

Вот отчего и «смирение» Достоевского, собственно, лукаво же. «Чего» захотел, гордец: стать смиреннее всех. Но смиреннее всех был один Христос, и тайное поползновение Достоевского было подставить любимому своему народу «Христово место, Христов престол». Это явная «хлыстовщина», по определению владык — «ересь».

Нет, «лень» вернее. Лень — спасительнее. Ее ни под какую «ересь» не подведешь, ибо суть ее заключается в том, чтобы «посидеть у окошечка и подождать». А к вечеру позабавимся чаем. При таком случае сон будет ясен, без выкриков —и так, с легкими и безгрешными сновидениями.

Сна «леди Макбет» не будет. На «престоле» же непременно будут сны «леди Макбет». Это — ужасное, поистине ужасное место. Я не понимаю, как люди не боятся его.

Не величавое и мирообъемлющее «смирение», а простая частная скромность, личная скромность — вот что хорошо. Дай Бог и этого добиться, но «этому» очень способствует, если «с ленцой». Зачем нам и куда нам торопиться? Больше жизни все равно не проживешь, а «свою жизнь» всякий наверное проживет. Я не говорю о времени войны: теперь мы все торопимся, и так должно, ибо иначе нам неприятель сядет на шею и, черт его дери, заставит тоже делать его окаянные «зубные щетки»... «Чтобы разбогатеть», видите ли! Но я не желаю быть очень богат. Посему сделаю сам себе одну щетку. Кое-какую, ненадол-

го. И потом еще сделаю, и опять без всякой «универсальности».

Место Руси, вера Руси — вечная относительность. «Жизнь для жизни вам дана», т. е. для самого *процесса* жизни, который, ей-ей, хорош, и не нужно к ней никакого «заключения». «Пусть тянется, матушка, как степная дороженька, нигде не кончаясь, нигде не начинаясь». И — «эй, вы, бегите, кони, только не растрясите меня».

Я хотел говорить о новой книге — огромной книге —нашего философа и публициста Н. А. Бердяева «Смысл творчества», недавно появившейся в Москве. Там он зовет Россию и, стало быть, всех нас «к религиозному творчеству». К религиозному героизму, к религиозному величию»... Вспомнил пап, Лютера — испугался и от страха заснул. Были самые легкие сновидения. Проснулся и написал эти немногие строки — в том смысле, что «боюсь» и что это не «удел Руси».